скихъ промышленныхъ странахъ; вопросъ же о сравнительныхъ политическихъ *итогахъ* этого движенія, о занимаемомъ имъ положеніи по отношенію къ другимъ общественнымъ теченіямъ и объ его роли въ общемъ распредѣленіи политическихъ силъ оставался болѣе или менѣе въ сторонѣ. Подразумѣвалось, что этотъ вопросъ уже съ достаточною опредѣленностью разрѣшается самымъ фактомъ непрерывнаго роста и развитія соціалистическаго движенія въ рабочей средѣ, такъ какъ предполагалось, что, когда это движеніе достигнетъ опредѣленныхъ размѣровъ, оно должно будетъ, въ силу присущихъ ему революціонныхъ стремленій, овладѣть политической властью и произвести соотвѣтствующій общественный переворотъ.

Но такая постановка вопроса могла бы считаться правильной только въ томъ случаѣ, если бы ростъ соціалистическаго движенія можно было разсматривать независимо отъ роста и развитія другихъ, противоположныхъ ему, общественныхъ факторовъ, или если бы этотъ ростъ совпадалъ съ упадкомъ и разложеніемъ противодѣйствующихъ ему общественныхъ теченій; тогда одно собственное развитіе соціалистическаго движенія уже достаточно опредѣляло бы собою общее положеніе дѣлъ. Между тѣмъ, въ той теоріи научнаго соціализма, которую мы имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ, а именно въ соціалъ-демократической теоріи, вопросъ этотъ поставленъ, какъ извѣстно, совершенно иначе, такъ какъ самый ростъ соціалистическаго движенія оказывается въ ней находящимся въ прямой зависимости отъ роста и развитія крупнаго капиталистическаго производства, составляющаго главную основу экономическаго могущества буржуазіи. Но такъ какъ вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства очевидно должно возрастать также политическое значеніе опирающагося на него общественнаго класса, т. е. буржуазіи, интересы которой сталкиваются самымъ непосредственнымъ образомъ съ интересами соціалистическаго движенія, то ясное дѣло, что при такомъ опредѣленіи условій развитія соціализма одного указанія на его непрерывное развитіе уже недостаточно для подведенія конечныхъ политическихъ итоговъ, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь уже не объ одномъ непрерывно развивающемся общественномъ факторѣ, а объ извѣстномъ соотношеніи между двумя одинаково растущими и развивающимися общественными силами: соціализмомъ и буржуазіей.

Легко видѣть, въ самомъ дѣлѣ, что, когда данное общественное положеніе опредѣляется прямымъ соотношеніемъ между двумя одновременно растущими и развивающимися общественными величинами, то такого рода формула является какъ бы уравненіемъ съ двумя неизвѣстными, не охватывающимъ всѣхъ элементовъ даннаго политическаго положенія и не указывающимъ на приближеніе къ какому-нибудь опредѣленному политическому результату. Растетъ крупная капиталистическая промышленность и вмѣстѣ съ нею ра-

стетъ экономическое и политическое могущество буржуазіи; съ другой стороны, развивается соціалистическое движеніе и вмѣстѣ съ нимъ развивается также извѣстная политическая партія съ совершенно опредѣленными идеалами общественнаго переустройства. Но что же дальше? Гдѣ выходъ изъ этого замкнутаго круга? Когда Бебель указывалъ въ своей амстердамской рѣчи на предстоящій дальнѣйшій ростъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, то при этомъ, согласно соціалъ-демократическому пониманію условій развитія рабочаго движенія, необходимо подразумѣвалось также дальнѣйшее успѣшное развитіе нѣмецкой капиталистической промышленности; но развѣ дальнѣйшее успѣшное развитіе нѣмецкой капиталистической промышленности не предполагаетъ неизбѣжнаго дальнѣйшаго развитія политическаго могущества нѣмецкой буржуазіи?

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ современной соціалъ-демократической теоріи научнаго соціализма замѣчается очень существенный теоретическій пробѣлъ, оставляющій въ полной неизвѣстности общественные и политическіе итоги соціалъ-демократическаго движенія. Опираясь въ своей главнѣйшей и даже единственной предпосылкѣ на громадное развитіе крупной капиталистической промышленности, она въ то же самое время какъ бы совершенно не замѣчаетъ той противоположной стороны этого явленія, которая касается столь же громаднаго и столь же неизбѣжнаго развитія политическаго могущества буржуазіи.

Въ этомъ отношеніи *первоначальная* концепція научнаго соціализма,—того научнаго соціализма сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, который былъ формулированъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ Маркса и Энгельса,—была, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо полнѣе и законченнѣе. Она была построена, какъ извѣстно, на томъ діалектическомъ процессѣ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства, который вытекалъ изъ экономическихъ результатовъ самого этого способа производства,—на томъ разрушительномъ стихійномъ элементѣ *чисто экономическаго происхожденія*, который зарождался въ самомъ процессѣ капиталистическаго развитія и вынашивался буржуазнымъ обществомъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ. Такимъ образомъ, въ этой первоначальной теоріи научнаго соціализма, въ самыхъ свойствахъ крупнаго капиталистическаго производства уже оказывался источникъ не только его дальнѣйшаго развитія, но и его неминуемой экономической гибели. Такимъ неизбѣжнымъ источникомъ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства являлись въ Коммунистическомъ Манифестѣ, какъ извѣстно, все возрастающіе промышленные кризисы, которые должны были вызывать въ буржуазномъ обществѣ все усиливающіяся экономическія потрясенія, сопровождающіяся настоящими общественными катастрофами:

«...Современное буржуазное общество—читаемъ мы въ Комму-